

Анализ аргументативных текстов в процессе изучения школьниками художественного произведения*

С.М. Белильщикова

В статье рассматриваются особенности аргументативных текстов и их анализ в процессе изучения школьниками художественного произведения, в частности особенности невербальной коммуникации персонажей. В качестве примера использованы эпизоды романа И.С. Тургенева «Отцы и дети».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

аргументативный текст, невербальное общение, невербальные средства, риторический анализ текста.

В настоящее время способность иметь свою точку зрения и аргументировать её во многом определяет речевую культуру человека. Школьник претендует на собственное мнение, но редко обосновывает свои суждения, ссылаясь на субъективные чувства и эмоции. Кроме того, некоторые школьники считают, что анализировать художественное произведение должны критики и литературоведы, учащимся же остаётся лишь обсуждать то, что уже написано, и буквально гадать, почему тот или иной критик придерживается той или иной точки зрения. В связи с этим возрастает необходимость формирования у учащихся аргументативной речи, которая может служить способом оформления своей позиции в процессе дискуссионного общения. От школьника как языковой личности требуется владение набором компетенций для осуществления речевой деятельности, однако программа образования на данный момент не предлагает введения риторики в перечень обязательных учебных дисциплин, поэтому у учителей нет возможности целенаправленно формировать речеведческие знания и умения в специально отведённые для этого часы.

На наш взгляд, педагогически целесообразно изучать аргументативный текст в рамках урока литературы, используя для этого анализ худо-

жественного произведения. Кроме того, овладение аргументативными умениями, в частности навыками создания собственного аргументативного текста, необходимо школьнику и применительно к другим учебным дисциплинам.

Язык художественной литературы отличается рядом специфических особенностей, которые позволяют отграничить его от любого другого. Прежде всего художественный текст строится **по законам ассоциативно-образного мышления**, а нехудожественный – **по логическим законам** [1]. Специфика аргументативного текста в художественном произведении заключается в слиянии текстов, противоположных друг другу изначально. Наше внимание в таком случае сосредоточено на нехудожественном тексте в художественном. Так, аргументативный текст в художественном произведении может быть представлен спором персонажей, соответственно в рамках этого произведения он будет построен по законам логики. С другой стороны, он будет воздействовать на эмоциональную сферу читателя как фрагмент художественного текста.

В художественном произведении всё подчинено замыслу автора, его эстетическому идеалу. Он создаёт в произведении «свою маленькую вселенную», поэтому в художественном тексте за изображёнными картинками

* Тема диссертации «Аргументация как способ разрешения конфликтных ситуаций». Научный руководитель – канд. пед. наук, профессор Л.С. Якушина.

жизни всегда присутствует подтекст-ный, интерпретационный функциональный план, «вторичная действительность» [Там же]. Обращение к аргументативному тексту в художественном произведении позволяет более точно интерпретировать это произведение, улучшить понимание текста и тем самым сократить дистанцию между автором и читателем.

В художественном тексте можно выделить два речевых потока – авторскую и чужую речь, т.е. речь персонажа. Особенность художественного текста – наличие речи не только внешней (реплики диалога), но и внутренней (внутренний монолог). Рассматривая диалог как часть художественного целого, мы разворачиваем авторский замысел. Прозаическое произведение по сути диалогично: в нём звучат голоса автора и персонажей, которые необычайно сложно соотносятся друг с другом. Поэтому для лингвистов принципиально важно рассмотреть, какими способами изображается речь героев и как она взаимодействует с речью повествователя.

Для анализа аргументативного текста в художественном произведении мы взяли роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». Ключевое место в нём занимает диалог. Именно в спорах отчётливо проявляется идейная позиция героев, их характеры, даётся толчок развитию сюжета. Особую роль в романе играет исторический спор либералов и революционеров-демократов. Главный идейный противник Базарова – Павел Петрович Кирсанов. В связи с этим следует сосредоточить внимание школьников на тех эпизодах романа, в которых ярко проявляется речевое взаимодействие героев (цитаты приводим по изданию [3]).

Сошлёмся на мнение С.Е. Шаталова, который считает, что необходимо учитывать не только то, о чём говорят персонажи, но и степень осмысления и понимания ими предмета разговора, отношение к нему, фонетический строй речи и её лексический состав, интонацию, наконец, те ресурсы личностного проявления, которые име-

ются в распоряжении героя, – иронию, удивление, негодование и т.д. [5]. Всё это в совокупности позволяет говорить об индивидуальном стиле речи, который раскрывает характер героя в репликах и монологах. Вследствие этого целесообразно рассматривать текст с точки зрения **риторического анализа**, который заключается в ответах на три главных вопроса: что хотел сказать говорящий; что сказал; что сказал ненамеренно. В последней формуле анализа заключается подтекстовая информация о герое.

При первой встрече Павла Петровича и Базарова читателю становится ясно, что в дальнейшем между ними будут происходить острые споры. Даже не подав Базарову руки при знакомстве, Павел Петрович, как только узнаёт, что новоприбывший – приятель Аркадия, спрашивает: «Он у нас гостить будет? – Да. – **Этот волосатый?**» (Здесь и далее выделено нами. – С.Б.). Рассмотрим последнюю реплику с точки зрения риторического анализа. **Что хотел сказать** Павел Петрович: выразить любопытство и удивление по поводу странного гостя. **Что сказал:** своей репликой Кирсанов продемонстрировал неприязнь, пренебрежение и неделикатность, граничащую с грубостью. **Что сказал ненамеренно:** Павел Петрович невольно проявил свою враждебность, что и стало первым шагом к будущей «схватке». Так риторический анализ позволил увидеть подтекст реплики героя.

Основная задача автора заключается в том, чтобы обеспечить читателю наиболее благоприятные условия для понимания текста. Поэтому, учитывая характер и назначение текста, автор может варьировать своё обращение к тем или иным средствам выражения [1]. Так, анализ использованных вербальных и невербальных средств, взаимодействующих друг с другом и обеспечивающих коммуникативный эффект, способствует целостному пониманию художественного произведения. Устное общение немислимо без невербальных компонентов. Однако если вербальное взаи-

модействие подвергается анализу, то невербальное общение, как правило, остаётся без внимания. По этой причине обратимся к особенностям именно невербального общения. Его специфика в художественном тексте заключается в том, что оно, как и всё остальное, подчиняется интенции автора, соответствует его мироощущению и отношению к действительности.

В художественном произведении мы имеем дело со словесным описанием невербальных знаков (соматизмов). Их исследованию посвящён особый раздел языкознания – паралингвистика. Обычно невербальные средства дополняют текст или замещают собой вербальное выражение смысла, повторяют этот смысл, усиливая его. Многие исследователи подчёркивают теснейшую связь вербальной и невербальной коммуникативных систем. «Паралингвистика не есть привесок или остаток, вычитаемый из языковой системы, а особый функциональный компонент паразыковой системы, т.е. коммуникативная подсистема, которая дополняет функцию вербальной коммуникативной системы» [2, с. 215].

Традиционно в паралингвистике выделяют три типа невербальных средств:

1) фонационные (темп, тембр, громкость, интонация, стиль произношения);

2) кинетические (мимика, жесты, поза, движение);

3) графические (пробелы, специальные небуквенные знаки, таблицы, схемы и т.п.).

Поскольку мы анализируем коммуникативный речевой акт в художественном произведении, нас интересуют средства, сопровождающие устную речь, т.е. фонационные и кинетические.

И.С. Тургенев посредством авторских комментариев (соматизмов) мастерски передаёт мельчайшие оттенки чувств и поведения героев. Огромное влияние на читательское восприятие оказывает авторский комментарий к речевым характеристикам персона-

жей. «Тургенев поясняет, как говорит герой, – пишет С.Е. Шаталов, – определяет интонацию, самый звук его голоса, знание родного и чужих языков» [5, с. 98–99]. Это фонационные типы невербальных средств, к которым следует добавить анализ кинетических типов.

Антагонизм Павла Петровича и Базарова проявляется в такой детали их внешнего образа, как руки: красивая, с длинными розовыми ногтями рука одного и красная – другого. «Павел Петрович слегка улыбнулся, но руки не подал и даже положил её обратно в карман». Этот жест говорит о явном неприятии незнакомца, нежелании «пачкать руки»; частица «даже» подчёркивает степень этой неприязни с первого взгляда. Уже на примере данной ситуации мы можем говорить о том, что невербальные знаки являются неотъемлемой частью вербального взаимодействия говорящих, игнорирование которых может повлечь за собой ошибочное понимание поведения героев, что может нарушить понимание смысла всего произведения.

Так, во время одного из первых диалогов о Базарове мы становимся свидетелями растущей неприязни Павла Петровича к нему. Услышав из уст Аркадия, что Базаров – нигилист, Павел Петрович, намазывавший масло на хлеб, «поднял на воздух нож с куском масла на конце лезвия и остался неподвижен». Этот тот случай, когда сначала появляется жест, а затем формулируется вывод: новость о том, что Базаров – нигилист, настолько поразила Павла Петровича, что он буквально окаменел.

«– Нигилист, – проговорил Николай Петрович. – Это от латинского nihil, ничего, сколько я могу судить; стало быть, это слово означает чело века, который... который ничего не признаёт?

– Скажи: который ничего не уважает, – подхватил Павел Петрович и снова принялся за масло».

Павел Петрович словно добавил в свою копилку ещё один веский довод, чтобы презрительно относиться к База-

рову как крайне неприятному человеку, после чего продолжил завтракать.

Во время первого спора героев, опираясь на комментарии автора к их речи, мы можем судить о том, насколько раздражён Павел Петрович: он напряжён и сосредоточен («Это очень похвальное самоотвержение, – произнёс Павел Петрович, **выпрямляя стан и закидывая голову назад**»). Тургенев даёт настолько точное описание состояния персонажей, что создаётся впечатление, что перед нами не роман, а драматургическое произведение. Например, он следующим образом описывает состояние Павла Петровича: «Он начинал чувствовать тайное раздражение. Его аристократическую натуру возмущала совершенная развязность Базарова. Этот лекарский сын не только не робел, он даже отвечал отрывисто и неохотно, и в звуке его голоса было что-то грубое, почти дерзкое».

Базаров действительно говорит с некоторым усилием и небрежностью, зевает, отвечает односложно, дерзит и «презрительно усмехается», потому что ему не хочется продолжать это «словопрение».

Большое значение имеет интонационный строй речи, который выражается в своеобразной постановке знаков препинания, а также в использовании специальных синтаксических конструкций. Утверждая идею отрицания всего, Базаров точно хочет отвязаться от назойливого собеседника: «Я уже доложил вам, что ни во что не верю; и что такое наука – наука вообще? Есть науки, как есть ремесла, знания; а наука вообще не существует вовсе». Тургенев синтаксическими средствами мастерски рисует интонацию высказывания: перечислительный ряд говорит о пренебрежительном отношении Базарова к самой идее спора в данной ситуации. Интересно, что интонация речи Базарова меняется в зависимости от того, к кому она обращена: с Павлом Петровичем Базаров говорит не церемонясь, прямо высказывая то, что думает, порой даже чрезмерно дерзко; с Николаем Петровичем он более снисходителен и относится к нему

с доброй иронией, не раз подчёркивая в диалоге с Аркадием, что отец у последнего «славный малый», «добряк», «божья коровка»; в репликах, обращённых к Аркадию, преобладает поучительный тон.

К моменту главной полемики в романе – «схватке за вечерним чаем» – напряжение, существовавшее между героями, возрастает. Обратим внимание на невербальные средства:

«– Позвольте вас спросить, – начал Павел Петрович, и **губы его задрожали**, – по вашим понятиям слова: "дрянь" и "аристократ" одно и то же означают?

– Я сказал: "аристократишко", – проговорил Базаров, **лениво отхлёбывая глоток чаю**».

Так, в самом начале «схватки» подчёркивается эмоциональность речи Павла Петровича, которая обратно пропорциональна поведению его «невъразимо спокойного» оппонента. Однако в скором времени раздражение Кирсанова передаётся и Базарову:

«– Но за что же вы других-то, хоть бы тех же обличителей, честите? Не так же ли вы болтаете, как и все?

– Чем другим, а этим грехом не грешны, – **произнёс сквозь зубы Базаров**».

Тем не менее уже в финале спора Базаров возвращается в своё обычное состояние: он флегматичен, говорит уверенным спокойным тоном, с холодной усмешкой, чего нельзя сказать о Павле Петровиче, который уже «не был в состоянии крепиться долее». Схватка между героями завершилась, однако конфликт не разрешился. Вследствие этого дуэль стала неизбежным исходом накопившегося напряжения. В этом столкновении сошлись уже не просто оппоненты, а настоящие противники.

С первого до последнего мгновения дуэль пронизывает авторская ирония. А.Г. Цейтлин подчёркивает, что поединок изображен даже пародийно по отношению к затеявшему его «аристократу». В качестве доказательства приведён фрагмент из письма Тургенева к К.К. Случевскому: «...Дуэль

с П.П. именно введена для наглядного доказательства пустоты элегантно-дворянского рыцарства, выставленного почти преувеличенно комически...» [4, с. 206]. Непривычен даже внешний облик Павла Петровича: красивая трость с набалдашником из слоновой кости (хотя «обыкновенно он хаживал без трости») говорит о том, что Кирсанов подошёл к вопросу с присутствующим ему аристократическим вниманием к деталям.

Фиктивность дуэли проявляется как в репликах персонажей, так и в их невербальном взаимодействии. Герои говорят на разных языках: витиеватость речи Павла Петровича противопоставлена простоте языка Базарова. Инициатором схваток в романе, как словесных, так и «практической», является Павел Петрович. Базаров каждый раз лишь снисходительно и с некоторым усилием принимает эти вызовы, равно как и в случае с дуэлью: «Фу ты, чёрт! как красиво и как глупо! Экую мы комедию отломали! Учёные собаки так на задних лапах танцуют». Как справедливо отмечали литературоведы, Базаров, соглашаясь на дуэль, отдаёт дань романтизму, который он так рьяно отрицал. Однако это не мешает Базарову относиться к дуэли с долей цинизма, граничащего с издевательской насмешкой по отношению к Павлу Петровичу и всему происходящему. Ирония звучит в каждой реплике Базарова.

Так, предлагая камердинера Петра в качестве свидетеля, Базаров находит его способным «исполнить свою роль со всем необходимым в подобных случаях комильфо». Павел Петрович до последней минуты сохраняет серьёзность, тогда как Базаров даже на вопрос о пистолетах отвечает: «Откуда будут у меня пистолеты, Павел Петрович? Я не воин».

Снисходительное отношение Базарова к ситуации мы видим в построении его реплик: он включает в эту «игру», начиная говорить на языке Павла Петровича.

«– Засим, милостивый государь, мне остаётся только благодарить вас

и вернуть вас вашим занятиям. Честь имею кланяться.

– До приятного свидания, милостивый государь мой, – промолвил Базаров, проводя гостя».

Читатель словно видит насмешливое выражение лица Базарова и во время дуэли. Он берёт на себя ответственность отмерить шаги, аргументируя это тем, что у него ноги длиннее:

«...Барьер в десяти шагах...

– В десяти шагах? Это так; мы на это расстояние ненавидим друг друга.

– Можно и восемь, – заметил Павел Петрович.

– Можно; отчего же!»

Отмерив восемь шагов, он осведомляется у Павла Петровича как инициатора, можно даже сказать сценариста сложившейся ситуации, следует ли «накинуть» ещё два. Базаров использует либо просторечную лексику, что особенно выделяет его на фоне аристократической манеры Павла Петровича, либо сам вслед за оппонентом иронически щеголяет витиеватыми выражениями.

Финал дуэли словно списан с французского романа: «Павел Петрович дрогнул слегка и хватился рукою за ляжку. Струйка крови потекла по его белым панталонам». После этого Базаров «поступает благородно», помогая раненому. Более того, герои совместными усилиями пытаются создать миф о причине дуэли. Выстрелили не только пистолеты, но и напряжение оппонентов: уже час спустя, лёжа в постели с забинтованной ногой, Павел Петрович «смеялся, шутил, особенно с Базаровым». Прощание героев при отъезде Базарова закольцовывает сюжетную линию противоборства двух главных идейных противников. Павел Петрович пожелал попрощаться с Базаровым и на этот раз пожал ему руку – ему, человеку, которого он ненавидел «всеми силами души».

Таким образом, анализ невербальных средств, использованных в художественном тексте, является попыткой решить проблему формирования аргументативной речи учащихся на уроках в условиях современного преподавания

литературы в школе. Целостному постижению смысла художественного произведения может способствовать лишь всесторонний анализ текста, включающий в себя анализ авторской речи и речевого поведения персонажей, как вербального, так и невербального. **Анализ используемых автором невербальных средств – ключ к пониманию подтекстовой информации произведения.** Изучая художественный текст подобным образом, учащиеся вступают в диалог с автором, глубже постигают смысл произведения. На основании этого они создают собственную интерпретацию. Данный подход к изучению литературы не только способствует формированию учащегося как языковой личности, но и развивает его как читателя.

Литература

1. *Валгина, Н.С.* Теория текста / Н.С. Валгина. – М. : Логос, 2003.
2. *Колшанский, Г.В.* Паралингвистика / Г.В. Колшанский. – М. : КомКнига, 2010.
3. *Тургенев, И.С.* Полн. собр. соч. и писем : в 30-ти т. / И.С. Тургенев. – М. : Наука, 1981. – Т. 7.
4. *Цейтлин, А.Г.* Мастерство Тургенева-романиста / А.Г. Цейтлин. – М. : Сов. писатель, 1958.
5. *Шаталов, С.Е.* Художественный мир И.С. Тургенева / С.Е. Шаталов. – М. : Наука, 1979.

Светлана Михайловна Белильщикова – аспирант кафедры риторики и культуры речи Московского педагогического государственного университета, г. Москва.